А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 226** **29 сентября 2026 года**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе …., с участием заявителя Р. и адвоката Г., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Р. от 30 июня 2026 года (вх. № … от …) в отношении адвоката Г. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 05 августа 2026 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившемся в осуществлении в период с 23 по 25 июня 2026 года защиты Р. по уголовному делу № …, находящемуся в производстве СО ОМВД России по району Ч. города Москвы, без заключения соглашения в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения, а также в том, что получив 23 июня 2026 года от доверителя Р. в счет причитающегося ему вознаграждения наличные денежные средства в размере 30 000 рублей, адвокат Г. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал Р. финансовый документ по проведению операций со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 5 Стандарта осуществления адвокатом

защиты в уголовном судопроизводстве, адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившемся в том, что при вступлении в уголовное дело адвокат Г. не ознакомился с протоколами допроса Р. и иными материалами, доступными ему на момент вступления в уголовное дело согласно п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ (за исключением «протоколов экспертизы»), и до проведения допроса Р. в качестве обвиняемой не согласовал с ней позицию по делу, а вместо этого разъяснил ей право отказаться от дачи показаний для выработки тактики защиты со своим защитником и возможность дать эти показания позднее, чем лишил обвиняемую Р. предусмотренного п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ права дать показания по предъявленному обвинению на досудебной стадии производства по уголовному делу;

3) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям ч. 7 ст. 49 УПК РФ, пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившемся в отказе 25 июня 2026 года от осуществления ее защиты на стадии предварительного расследования уголовного дела № …, находящегося в производстве СО ОМВД России по району Ч. города Москвы, принятой на себя 23 июня 2026 года на основании соглашения, заключенного с Р. в устной форме;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе Р. от 30 июня 2026 года (вх. № … от …), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Р. в заседании Совета пояснила, что с заключением Квалификационной комиссии ознакомлена и согласна. С учетом тяжести допущенных адвокатом Г. дисциплинарных проступков, а также проявленного им явного непрофессионализма полагает, что его поведение несовместимо со статусом адвоката. Поддержала доводы своего письменного обращения (вх. № … от …), к которому повторно приложила документы, подтверждающие ее доводы.

Адвокат Г. в заседании Совета пояснил, что с заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и полностью согласен. Вину в дисциплинарных нарушениях, признанных Комиссией, полностью признает и обязуется более подобных нарушений не допускать. Позицию о несогласии с заключением Квалификационной комиссии, изложенную в его письменных возражениях (вх. № … от …), не подтвердил. В этих письменных возражениях адвокат Г. утверждал, что имел право отказаться от защиты Р.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных

обстоятельствах дела. Вместе с тем, Совет считает необходимым частично изменить мотивировку этих выводов, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

26 сентября 2025 года СО ОМВД России по району Ч. города Москвы в отношении неустановленного лица было возбуждено уголовное дело № … по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. 26 сентября 2025 года Р. по указанному уголовному делу предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и в этот же день в отношении нее избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Позднее с указанным уголовным делом в одном производстве было соединено еще 23 уголовных дела, возбужденных по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 и 4 ст. 159 УК РФ. Соединенному уголовному делу присвоен № ….

На 23 июня 2026 года следователем СО ОМВД России по району Ч. города Москвы А. с участием Р. было запланировано проведение следственных и иных процессуальных действий. 22 июня 2026 года в ходе состоявшегося телефонного разговора Р. попросила адвоката Г., начиная с 23 июня 2026 года, осуществлять ее защиту по данному уголовному делу вместо имеющегося у нее защитника. В ходе указанного телефонного разговора между адвокатом Г. и Р. также обсуждалась защита последней в суде первой инстанции и согласовывался размер вознаграждения адвоката Г. за эту юридическую помощь. Между адвокатом Г. и Р. была достигнута устная договоренность о вступлении адвоката Г. 23 июня 2026 года в данное дело в качестве защитника Р. и о выплате ему вознаграждения в сумме 30 000 рублей.

23 июня 2026 года перед посещением СО ОМВД России по району Ч. города Москвы Р. передала адвокату Г. 30 000 рублей наличными, при этом каких-либо документов о получении денежных средств последний ей не выдал, денежные средства в кассу или на счет адвокатского образования не внес. Соглашение об оказании юридической помощи в письменной форме между ними также подписано не было. В этот же день Р. подала следователю заявление об отказе от защитника – адвоката Т. и о желании, чтобы ее защиту осуществлял адвокат Г., который вступил в дело, предъявив следователю Ордер от 23 июня 2026 года № …, в соответствии с которым ему с указанной даты поручается «защита в следствии Р. СО ОМВД по р-ну Ч. МВД РФ г. Москвы». Графу «основание выдачи ордера» адвокат Г. оставил незаполненной. После этого в тот же день Р. с участием адвоката Г. было предъявлено обвинение в совершении 24 преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 и 4 ст. 159 УК РФ, и она была допрошена в качестве обвиняемой, отказавшись от дачи показаний. При вступлении в уголовное дело и до начала допроса адвокат Г. с процессуальными документами, предусмотренными п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, не ознакомился. В этот же день обвиняемая Р. и ее защитник – адвокат Г. были уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу в порядке, предусмотренном

ст. 215 УПК РФ, после чего приступили к ознакомлению с материалами уголовного дела, ознакомившись с несколькими листами, содержащимися в первом томе.

24 июня 2026 года адвокат Г. для ознакомления с материалами уголовного дела не явился. Р. одна по повестке следователя явилась в следственный орган, откуда спустя продолжительное время была госпитализирована бригадой скорой помощи в Городскую клиническую больницу имени М.Е. Жадкевича. В 20 часов 29 минут следователем в АИС АПМ была создана заявка № … для обеспечения участия защитника Р., которая в этот же день была распределена адвокату В.

25 июня 2026 года адвокат Г. вместе со следователем А. посетил Р. в больнице, где, узнав от последней о том, что она не намерена в данный момент оплачивать ему вознаграждение, сообщил доверителю, что больше не будет ее защищать. Дальнейшую защиту Р. адвокат Г. не осуществлял.

Заявитель Р. выдвигает против адвоката Г. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в неисполнении профессиональной обязанности по формализации отношений с ней, выразившемся в незаключении в письменной форме соглашения на ее защиту и в невыдаче финансовых документов о получении 30 000 рублей в счет оплаты его работы;

2) в неознакомлении при вступлении в уголовное дело с процессуальными документами, предусмотренными п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ;

3) в несогласовании с ней защитительной позиции по уголовному делу перед проведением 23 июня 2026 года ее допроса в качестве обвиняемой и в даче ей рекомендации отказаться от дачи показаний для выработки тактики защиты со своим защитником, а показания дать позднее, что лишило ее возможности дать показания на досудебной стадии производства по уголовному делу;

4) в неисполнении ее просьбы не приступать 23 июня 2026 года к ознакомлению с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ, а также в убеждении ее начать ознакомление с материалами уголовного дела в указанную дату;

5) в неявке 24 июня 2026 года в СО ОМВД России по району Ч. города Москвы для ознакомления с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ, в даче рекомендации написать заявление о согласии знакомиться с материалами уголовного дела в отсутствие защитника и в оставлении ее в указанную дату без юридической помощи несмотря на то, что следователем на нее оказывалось давление в целях понуждения к завершению ознакомления с материалами уголовного дела;

6) в разглашении следователю сведений, которые она сообщала только адвокату Г.;

7) в неделовой манере общения с ней и ее оскорблении, имевшими место 25 июня 2026 года в больничной палате Городской клинической больницы имени М.Е. Жадкевича;

8) в отказе 25 июня 2026 года от принятой на себя ее защиты.

Адвокат Г. в ходе дисциплинарного разбирательства пояснял, что соглашение с Р. на момент вступления в уголовное дело не заключил, поскольку намеревался сделать это в дальнейшем после полной оплаты. При этом денежные средства в сумме 30 000 рублей он получил от Р. наличными, не выдав ей никаких документов. При вступлении в дело он с материалами уголовного дела не знакомился, кроме заключения экспертизы, предоставленного следователем. 24 июня 2026 года он для ознакомления с материалами дела не явился, поскольку находился на больничном, о чем заранее предупреждал Р. и согласовывал с ней, что в его отсутствие она с делом знакомиться не будет. На 25 июня 2026 года были запланированы следственные действия с Р. Он сказал ей, что готов продолжить ее защиту в полном объеме, если она оплатит его труд, и предложил сразу заключить соглашение. На это она сказала, что сделает это, когда будут деньги. 24 июня 2026 года ему позвонила Р. и сказала, что ее вызвали и заставляют изучать уголовное дело. Он сказал Р., что не надо его изучать, она ответила, что ее никуда не выпускают. 25 июня 2026 года в больнице он действительно объявил Р. в присутствии следователя, что более не будет ее защищать, поскольку она не платила ему деньги и не заключала соглашение. На Р. он при этом не кричал, нецензурной бранью не выражался. Сведения в ордере об основаниях для вступления в дело он не заполнил, поскольку соглашение им заключено не было.

Как указано выше, в заседании Совета адвокат Г. свою позицию изменил, полностью признав вину в дисциплинарных обвинениях, установленных Квалификационной комиссией.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в ненадлежащей формализации отношений с доверителем, Совет отмечает следующее. Согласно ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: «адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем» (п. 1), которое представляет собой «гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу» (п. 2); к числу существенных условий соглашения об оказании юридической помощи относятся (п. 4): указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате (пп. 1); предмет поручения (пп. 2); условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно (пп. 3); порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения, за исключением случаев, когда юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (пп. 4);

размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения (пп. 5).

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем.

Нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам, а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном итоге подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту.

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением, исполнением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принимать меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся как к процессу заключения соглашения об оказании юридической помощи, так и к надлежащему оформлению полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя.

При этом в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения порядка (формы) заключения соглашения с доверителем, порядка оприходования полученных от доверителя денежных средств (вознаграждения за юридическую помощь или компенсации расходов), адвокат в период действия соглашения с доверителем имеет возможность устранить допущенные нарушения.

С учетом установленных в результате дисциплинарного разбирательства обстоятельств, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что профессиональная обязанность по надлежащей формализации правоотношений с доверителем Р. адвокатом Г. не исполнена, поскольку 23 июня 2026 года он вступил в уголовное дело в качестве ее защитника в отсутствие заключенного в простой письменной

форме соглашения, а лишь на основании устной договоренности, не устранив впоследствии данное нарушение, а также, получив в указанную дату от доверителя Р. в счет оплаты юридической помощи наличными 30 000 рублей, не выдал ей финансовый документ, а денежные средства не внес в кассу или на расчетный счет адвокатского образования.

Доводы адвоката Г. о том, что Р. уклонилась от заключения соглашения и не просила у него документов, подтверждающих уплату 30 000 рублей, Совет отклоняет как несостоятельные, поскольку, как указано выше, именно на нем как на профессиональном участнике юридических правоотношений лежала обязанность по надлежащей формализации отношений с доверителем.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед доверителем Р. при описанных обстоятельствах.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в неознакомлении с материалами дела и несогласовании позиции с доверителем, Совет отмечает следующее. В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ с момента вступления в уголовное дело защитник вправе знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому.

Положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, в частности, на свидания с подозреваемым, обвиняемым, на ознакомление с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, на ознакомление с иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому.

Согласно п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://fparf.ru>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2

(57)», стр. 140-142), содержащего минимальные требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, после вступления в уголовное дело адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу, для чего принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться.

Адвокат Г. не оспаривает, что при вступлении в уголовное дело с процессуальными документами, перечисленными в п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, он не ознакомился, ссылаясь на то, что материалы уголовного дела находились в кабинете начальника следственного отдела, и они вместе с Р. ознакомились лишь с «протоколами экспертизы». Поскольку адвокат Г. совершенно не был знаком с материалами уголовного дела, он посоветовал Р. воспользоваться правом не давать показания, предоставленным ей ст. 51 Конституции РФ, чтобы затем совместно выработать тактику ее защиты.

Из протокола допроса Р. в качестве обвиняемой от 23 июня 2026 года также усматривается, что виновной себя в совершении инкриминируемых ей деяний она не признала, заявила о том, что показания давать не желает, желает воспользоваться ст. 51 Конституции Российской Федерации для выработки тактики защиты со своим защитником, в дальнейшем готова давать показания.

Вместе с тем на момент вступления в уголовное дело адвокату Г. было достоверно известно о том, что расследование уголовного дела находится на завершающем этапе, поэтому как профессиональный участник уголовного судопроизводства он должен был понимать, что в дальнейшем Р. может не представиться возможность дать показания по существу предъявленного обвинения в связи с окончанием следственных действий по уголовному делу.

Вместе с тем, при вступлении в уголовное дело адвокат Г. не только мог, но и обязан был получить информацию о сроках расследования данного уголовного дела [на момент вступления адвоката Г. в уголовное дело срок предварительного расследования был продлен до 09 месяцев, то есть до 26 июня 2026 года – Примечание Совета] и, исходя из этого, давать Р. какие-либо советы и рекомендации.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что именно неисполнение 23 июня 2026 года адвокатом Г. профессиональных обязанностей создало ситуацию невозможности реализации обвиняемой Р. предусмотренного п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ права дать показания по существу предъявленного ей в окончательной редакции обвинения. При этом Совет отмечает, что адвокат Г. не мог «лишить» ее этого права, как это указано в заключении Квалификационной комиссии, поскольку невозможно лишить лицо права, предоставленного ему законом. Однако в результате неквалифицированного оказания адвокатом Г. юридической помощи Р. при описанных обстоятельствах последняя лишилась возможности реализовать это право.

С учетом изложенного, Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед доверителем Р. при описанных обстоятельствах.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в отказе адвоката Г. от принятой на себя защиты Р., Совет отмечает следующее. Вступив 23 июня 2026 год в уголовное дело в качестве защитника Р., адвокат Г. принял на себя обязательства по осуществлению ее защиты на всей стадии предварительного расследования.

Однако, как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, уже в 19 часов 27 минут 24 июня 2026 года он направил Р. в мессенджере сообщение следующего содержания: «Катерина Петровна! В связи с невыполнением договора с вашей стороны, вынужден отказаться от выполнения поручения по вашей защите!». На следующий день, 25 июня 2026 года, при посещении Р. совместно со следователем в больничной палате адвокат Г. вновь устно заявил Р. о том, что отказывается от осуществления ее защиты. В дальнейшем адвокат Г. защиту Р. не осуществлял.

В соответствии с пп. 1 п. 4 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно ч. 1 ст. 12 Кодекс профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства.

Согласно ч. 7 ст. 49 УПК РФ адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого.

В соответствии с п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе.

В Разъяснении Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката (утверждено Решением Совета ФПА РФ от 15 декабря 2022 г., протокол № 18), опубликованном на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://fparf.ru>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 20123. № 1 (81)», стр. 44-46) указано, что:

«Адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем (пункт 1 статьи 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

В случае, когда адвокат в соответствии с соглашением принимает на себя обязанность осуществлять защиту лица по уголовному делу, именно указанное соглашение является основанием оказания подзащитному соответствующей юридической помощи (пункт 1 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20 апреля 2017 г.). В совокупности с установленным в пункте 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката регулированием института отказа от защиты по уголовному делу это означает, что адвокат не вправе отказаться от такой защиты при наличии действующего (не расторгнутого в установленном порядке) соглашения.

Подобное регулирование обусловлено не только публично-правовым характером адвокатской деятельности, но и тем, что квалифицированной стороной отношений доверителя и адвоката является именно последний. Принося присягу, претендент, сдавший квалификационный экзамен, принимает на себя ответственность за выполнение обязанностей адвоката и соблюдение правил поведения, установленных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвоката (пункт 2.1 статьи 4 Кодекса профессиональной этики адвоката). Заключая соглашение об осуществлении защиты по уголовному делу, адвокат должен руководствоваться пунктом 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При этом ни норма пункта 2 статьи 13, ни иные положения Кодекса профессиональной этики адвоката не содержат указания на то, что неисполнение (ненадлежащее исполнение) доверителем или иным лицом обязанности по выплате адвокату вознаграждения за осуществление защиты по уголовному делу при наличии действующего (не расторгнутого в установленном порядке) соглашения наделяет адвоката правом отказаться от защиты.

Вопросы расторжения соглашения об оказании юридической помощи регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации с изъятиями, предусмотренными Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (пункт 2 статьи 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекс профессиональной этики адвоката не содержат прямого запрета на включение в соглашение об осуществлении защиты по уголовному делу условия о праве адвоката на односторонний отказ от такого соглашения (от его исполнения) в случае невыплаты адвокату вознаграждения либо условия о том, что невыплата вознаграждения доверителем рассматривается сторонами в качестве отказа последнего от дальнейшего исполнения соглашения.

Определяя нормативную возможность одностороннего отказа от исполнения соглашения об осуществлении защиты по уголовному делу, адвокат должен во всяком случае руководствоваться требованиями разумности и добросовестности, предъявляемыми пунктом 4 статьи 450.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Под добросовестностью в том числе следует понимать требование проявления необходимой заботы о законных интересах доверителя, а также интересах осуществления правосудия и о недопущении причинения им вреда. Некоммерческий и публично-правовой характер деятельности предполагает недопустимость каких-либо действий или решений, основанных исключительно на личном, в том числе финансовом, интересе адвоката в конкуренции с публичной функцией адвокатуры. Права и законные интересы доверителя, а также интересы надлежащего отправления правосудия являются безусловным приоритетом в деятельности адвоката, носящей явно выраженный публичный характер.

Вместе с тем к таким интересам не может быть отнесено манипулирование доверителем этическими ограничениями в деятельности адвоката с целью неисполнения или очевидно недобросовестного исполнения своих обязательств по соглашению. В соответствии с общеправовым правилом, закрепленным в пункте 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Данное правило является в том числе и частью принципа добросовестности в адвокатской деятельности.

Таким образом, очевидное и намеренное неисполнение доверителем добровольно принятых на себя обязанностей по соглашению с адвокатом может являться основанием одностороннего отказа от исполнения соглашения об оказании юридической помощи. При этом адвокат обязан действовать разумно и добросовестно по отношению к своему доверителю, а также по отношению к надлежащему отправлению правосудия по делу. В том числе им должны быть приложены достаточные усилия для выяснения причин неисполнения или ненадлежащего исполнения доверителем своих обязательств, оценки их уважительности, принятия мер для недопущения или минимизации вреда интересам доверителя таким односторонним отказом и другие.

Реализация в рамках уголовного судопроизводства конституционно значимого права на получение квалифицированной юридической помощи и права на судебную защиту предполагает необходимость обеспечения непрерывности защиты подозреваемого (обвиняемого). В связи с этим, вне зависимости от конкретных оснований прекращения осуществления адвокатом защиты по уголовному делу, адвокату следует предпринять разумные и достаточные меры для обеспечения непрерывности защиты подозреваемого (обвиняемого) и иных гарантий соблюдения прав указанного лица».

Вместе с тем, адвокатом Г. соглашение с доверителем Р. в письменной форме заключено не было, доказательств согласования с доверителем Р. условий о праве адвоката на односторонний отказ от соглашения (от его исполнения) в случае невыплаты ему Р. вознаграждения либо условия о том, что невыплата вознаграждения доверителем рассматривается сторонами в качестве отказа последнего от дальнейшего исполнения соглашения в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Адвокатом Г. также не представлено в материалы дисциплинарного производства доказательств манипулирования доверителем Р. этическими ограничениями в деятельности адвоката с целью неисполнения или очевидно недобросовестного исполнения ею своих обязательств по соглашению.

При этом в результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что 23 июня 2026 года Р. выплатила адвокату Г. 30 000 рублей, которые, как она утверждает, причитались ему за ведение дела на завершающем этапе предварительного расследования. Р. также пояснила, что обсуждала с адвокатом Г. вознаграждение в ином размере за осуществление ее защиты в суде первой инстанции, но категорически отрицала, что указанная сумма имела отношение к работе адвоката Г. на предварительном следствии. Адвокатом Г. достаточных доказательств, опровергающих данные утверждения заявителя, не представлено.

При таких обстоятельствах Совет признает, что у адвоката Г. отсутствовали основания для прекращения осуществления защиты Р., находящейся в больнице, спустя два дня после вступления в уголовное дело в качестве его защитника. При этом он, отказавшись от защиты, не принял никаких мер для обеспечения непрерывности ее защиты и иных гарантий соблюдения ее прав.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям ч. 7 ст. 49 УПК РФ, пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившемся в отказе 25 июня 2026 года от осуществления ее защиты.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в ненадлежащем профессиональном поведении адвоката Г. при объявлении обвиняемой Р. и ее защитнику об окончании следственных действий по делу, Совет отмечает следующее.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа.

Отказ обвиняемого и (или) защитника от реализации права на ознакомление со всеми материалами дела в порядке ст. 217 УПК РФ может повлечь немедленное завершение следователем названной процедуры с

дальнейшим направлением дела прокурору для утверждения обвинительного заключения. Р. этого очевидно не желала. При таких обстоятельствах адвокат Г. не имел возможности не приступать к ознакомлению с материалами уголовного дела, не нарушая интересов доверителя, даже если она об этом просила, не осознавая всех последствий своей просьбы. В соответствии с п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом.

С учетом изложенного, Совет приходит к выводу о прекращения дисциплинарного производства в указанной части. Вместе с тем Совет не может согласиться с утверждением Квалификационной комиссии о том, что «любое противодействие следователю» со стороны адвоката недопустимо. Совет отмечает, что адвокат-защитник действует в интересах подзащитного и осуществляет его защиту всеми не запрещенными законом средствами и способами. В связи с этим при наличии оснований адвокат не только вправе, но и обязан возражать против действий следователя, обжаловать их, требовать устранения нарушений прав доверителя.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в ненадлежащем исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей при ознакомлении с материалами дела, Совет отмечает следующее.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, при уведомлении 23 июня 2026 года обвиняемой Р. и адвоката Г. об окончании следственных действий по уголовному делу ими было заявлено ходатайство о совместном ознакомлении с его материалами. При этом еще 23 июня 2026 года Р. было известно о том, что 24 июня 2026 года адвокат Г. вследствие занятости не сможет явиться в следственный орган для продолжения ознакомления с материалами уголовного дела, и по этой причине Р. заявила ходатайство о переносе даты ее явки с 24 июня 2026 года на 25 июня 2026 года в связи с занятостью ее защитника. Постановлением следователя от 23 июня 2026 года в удовлетворении этого ходатайства было отказано.

Таким образом, сама по себе явка Р. 24 июня 2026 года в следственный отдел по повестке следователя, с учетом ее волеизъявления знакомиться с материалами уголовного дела только совместно с защитником – адвокатом Г., не означала, что она была обязана знакомиться с материалами уголовного дела самостоятельно.

Адвокат Г. отрицает дачу Р. 24 июня 2026 года совета подать следователю заявление о том, что она желает знакомиться с материалами уголовного дела отдельно от защитника. Каких-либо доказательств обратного заявителем не представлено. Сам факт подачи Р. 24 июня 2026 года заявления об ознакомлении с материалами дела отдельно от защитника Г. таким доказательством не является.

Совет также отмечает, что адвокат Г. не может нести ответственность за совершение в отношении Р., согласно ее утверждениям, сотрудниками

следственного органа 24 июня 2026 года незаконных действий, направленных на ее длительное удержание в следственном органе и понуждение к завершению ознакомления с материалами уголовного дела. Вместе с тем, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Г., получив от Р. информацию о том, что ее не отпускают из следственного отдела, принимал меры к тому, чтобы прекратить эти действия: совершал звонки и писал сообщения должностным лицам следственного органа.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. в данной части неопровергнутой и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства.

К такому же выводу Совет приходит в отношении дисциплинарных обвинений в разглашении адвокатом Г. каких-либо сведений следователю, а также в оскорблениях с его стороны. Доводы жалобы Р. в этой части не конкретизированы. Так, заявитель не указала, в чем именно выразились названные нарушения, когда именно и при каких обстоятельствах они были совершены, а также не представила никаких доказательств в подтверждение указанных доводов. При этом адвокат Г. последовательно отрицал совершение указанных действий.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их неоднократный, грубый и злостный характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом Г. основополагающих требований законодательства, профессиональной этики и использовании недостойных способов осуществления профессиональной деятельности. Такое профессиональное поведение Совет признает недопустимым для адвоката. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат Г., имеющий значительный стаж профессиональной деятельности, неснятых дисциплинарных взысканий не имеет, вину в допущенных дисциплинарных нарушениях признал, обязался впредь их не допускать. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Г. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также считает необходимым указать адвокату Г. на необходимость неукоснительного исполнения законодательно установленных профессиональных обязанностей постоянно совершенствовать свои знания и повышать профессиональный уровень в установленном порядке, а также соблюдать Кодекс профессиональной этики и решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их

компетенции (пп. 3 и 4 п. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Г. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившееся в осуществлении в период с 23 по 25 июня 2026 года защиты Р. по уголовному делу № …, находящемуся в производстве СО ОМВД России по району Ч. города Москвы, без заключения соглашения в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения, а также в том, что, получив 23 июня 2026 года от доверителя Р. в счет причитающегося ему вознаграждения наличные денежные средства в размере 30 000 рублей, он не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал Р. финансовый документ по проведению операций со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 5 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, профессиональных обязанностей перед доверителем Р., выразившееся в том, что при вступлении в уголовное дело он не ознакомился с протоколами допроса Р. и иными материалами, доступными ему на момент вступления в уголовное дело согласно п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, и до проведения допроса Р. в качестве обвиняемой не согласовал с ней позицию по делу, а вместо этого разъяснил ей право отказаться от дачи показаний для выработки тактики защиты со своим защитником, чем создал ситуацию невозможности реализации обвиняемой Р. предусмотренного п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ права дать показания по предъявленному обвинению на досудебной стадии производства по уголовному делу;

– ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям ч. 7 ст. 49 УПК РФ, пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных

обязанностей перед доверителем Р., выразившееся в отказе 25 июня 2026 года от осуществления ее защиты на стадии предварительного расследования уголовного дела № …, находящегося в производстве СО ОМВД России по району Ч. города Москвы, принятой на себя 23 июня 2026 года на основании соглашения, заключенного с Р. в устной форме.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе Р. от 30 июня 2026 года (вх. № … от …), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы **С.Б. Зубков**